

Приходскій листокъ

Свято-Вознесенской церкви

въ городѣ Сакраменто

Западно-Американская епархія

Русская Православная Церковь Заграницей

№ 424

25 октября/7 ноября, 2010 г.

21 ноября, въ праздникъ собора Архистратига Божія Михаила и прочихъ Небесныхъ Силъ бесплотныхъ, исполняется 25 лѣтъ со времени кончины приснопамятнаго митрополита Филарета (Вознесенскаго), третьяго по счету Первоиерарха Русской Зарубежной Церкви.

The 21st of November, on the Feast of the Archangel of God Michael and the other Incorporeal Powers of Heaven, marks the 25th Anniversary from the repose of the ever-memorable Metropolitan Philaret (Vosnesensky), First Hierarch of the Russian Orthodox Church Outside of Russia.

Біографія Митрополита Филарета (Вознесенскаго)

Владыка митрополитъ Филаретъ, въ міру Георгій Николаевичъ Вознесенскій, родился въ Курскѣ 22 марта 1903 г. Мать его, Лидія Васильевна, скончалась когда юношѣ было 18 лѣтъ, а отецъ, впоследствии принявшій монашество съ именемъ Димитрія, былъ архіепископомъ и въ 1947 г. былъ репатрированъ въ СССР, гдѣ и скончался.

Семья владыки митрополита въ 1909 г. перѣехала въ Благовещенскъ – на Амуръ, гдѣ онъ въ 1920 г. окончилъ восьмиклассную гимназію. Перѣхавъ съ семьей въ Харбинъ, онъ поступилъ въ русско-китайскій политехническій институтъ и закончилъ его со званіемъ инженера-электромеханика въ 1927 г. Въ 1931 г. онъ окончилъ Пастырско-богословскіе курсы, переименованные затѣмъ какъ Богословскій факультетъ, при институтѣ св. князя Владиміра. На немъ онъ потомъ былъ преподавателемъ Нового Завѣта, Пастырскаго Богословія и Гомилетики. Рукоположенный въ 1930 г. въ санъ діакона, онъ въ 1931 г. былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Филарета и въ томъ же году рукоположенъ въ іеромонаха. Въ 1933 г. владыка Филаретъ былъ возведенъ въ санъ игумена, а въ 1937 г. – въ санъ архимандрита.

Одинъ изъ коллегъ Владыки по институту вспоминаетъ: "Большая церковная и пастырско-проповѣдническая дѣятельность была проведена о. архимандритомъ Филаретомъ. Молящіяся стремились въ тотъ храмъ, гдѣ онъ служилъ. Его любили всѣ слои православнаго населенія Харбина. Имя архимандрита Филарета было широко извѣстно и за предѣлами Харбинской епархіи. Онъ былъ добрымъ, доступнымъ для всѣхъ, кто къ нему обращался. А обращавшихся къ нему было очень много. Идя къ нему, знали, что получаютъ правильный совѣтъ, будутъ имѣть утѣшеніе и помощь. О. архимандритъ Филаретъ былъ весьма строгъ къ себѣ; онъ былъ извѣстенъ какъ истинный аскетъ. А какой рѣдкой памятью обладалъ нашъ добрый, сердечный владыка. При встрѣчѣ съ нимъ, онъ выявлялъ большой интересъ ко всѣмъ сторонамъ нашей жизни; ему не нужно было напоминать о своихъ нуждахъ или затрудненіяхъ, онъ уже самъ развивалъ съ вами тему разговора, давалъ готовые отвѣты".

Когда совѣтскія войска заняли Маньчжурію, архимандритъ Филаретъ рѣшительно отказался принять совѣтскій паспортъ. Когда къ нему явился газетный репортеръ для интервью, спрашивая, какъ онъ смотритъ на "мудрый шагъ совѣтскаго правительства, предложившаго русскому населенію Харбина снова

стать гражданами своей родины", то услышалъ слѣдующій смѣлый отвѣтъ: "Я не считаю возможнымъ принять и не приму совѣтскаго подданства до той поры, пока не удостовѣрюсь фактически и несомнѣнно, на 100%, въ томъ, что преслѣдованіе религіи, антирелигиозная пропаганда и травля служителей Церкви совершенно прекращены, и Церковь, которая не "отдѣлена", а изгнана изъ государства, снова заняла въ немъ подобающее ей положеніе". Архимандритъ Филаретъ такъ до конца своего пребыванія въ Китаѣ и не принялъ совѣтскаго гражданства, несмотря на всю связанную съ такой позиціей опасность. Въ другой разъ архимандритъ Филаретъ подвергался нѣкоторымъ прещеніямъ за свою смѣлость. Ознакомившись съ церковной печатью, въ которой въ числѣ геніевъ-благодѣтелей рода человѣческаго значился Ленинъ, архимандритъ Филаретъ выразилъ свое возмущеніе въ проповѣди, получившей широкую извѣстность. Безстрашное обличеніе богоборцевъ коммунистовъ привело ихъ въ особую ярость, и они рѣшили живымъ сжечь архимандрита Филарета, поджегши его келью. Но Господь сохранилъ Своего избранника: хотя и съ сильными ожогами, но онъ вышелъ живымъ изъ огненной ловушки.

Всячески ограждая свою паству, онъ, по его выраженію, "никогда не осквернилъ свои уста и свою молитву – молитвой за антихристовыхъ слугъ", несмотря на неоднократные угрозы. Въстѣ съ тѣмъ, въ теченіе ряда лѣтъ архимандритъ Филаретъ разными путями сносился съ главой Русской Зарубежной Церкви, митрополитомъ Анастасіемъ, пренебрегая опасностью, съ которой это было связано.

Архіерейскій Синодъ долго и упорно хлопоталъ о томъ, чтобы получить для него выѣздную визу, и, судя по имѣющейся перепискѣ въ архивѣ, почти каждая епархія Зарубежной Церкви надѣялась получить его для себя. Только къ 1962 г. Архіерейскому Синоду удалось добиться пріѣзда архимандрита Филарета въ Гонконгъ, откуда онъ довольно быстро перѣехалъ въ Брисбенъ. Въ Австраліи собралась значительная часть бывшихъ прихожан о. Филарета, и очень скоро по его прібытію туда, за многочисленными подписями, было подано въ Синодъ прошеніе о назначеніи архимандрита Филарета епископомъ въ этотъ городъ. Ходатайство это было охотно поддержано болевшимъ уже тогда архіепископомъ Саввой, и въ 1963 г. архимандритъ Филаретъ, къ радости своихъ бывшихъ пасомыхъ, сталъ епископомъ Брисбенскимъ.

На Соборъ 1964 г., на которомъ митрополитъ Анастасій ушелъ на покой, Первоіерархомъ былъ избранъ пріѣхавшій вмѣсто своего правящаго архіерея, архіепископа Саввы, его викарій, епископъ Филаретъ. Соборъ судилъ ему быть новымъ Первоіерархомъ Зарубежной Церкви, и это бремя онъ несъ въ теченіе 21 года.

Какъ разъ почти посерединѣ этого времени первосвятительства былъ созванъ третій Всезарубежный Соборъ. Особенно запомнятся нашимъ вѣрующимъ четыре прославленія угодниковъ Божіихъ, бывшіе въ это двадцатилѣтіе: святаго праведнаго Іоанна Кронштадтскаго, преподобнаго Германа Алякинскаго, святой блаженной Ксеніи Петербургской и святыхъ Новомучениковъ и Исповѣдниковъ Россійскихъ.

Неоднократно нашъ Первоіерархъ обращался съ вразумляющими посланіями къ главамъ другихъ церквей, и къ его голосу прислушивались нѣкоторые изъ іерарховъ. Владыка митрополитъ былъ замечательнымъ проповѣдникомъ. Глубокая вѣра, пламенная молитва, доброта и благожелательность, забота о томъ, чтобы не нарушался духовный миръ и непоколебимое стояніе въ исповѣданіи Истины – вотъ характерныя черты нашего Первоіерарха владыки митрополита Филарета.

Владыка преставился ко Господу 21 ноября 1985 года, въ день Архистратига Божія Михаила. Его убѣжденія выразились въ его предсмертномъ завѣтѣ. Опубликованное Духовное Завѣщаніе митрополита гласило:

Держи, что имѣешь! (Апок. 3:11).

Эти слова, взятые изъ священной книги Апокалипсисъ (Откровеніе), въ наше время, въ наши многоскорбные, лукавые, соблазнами исполненные дни, имѣютъ особое важное значеніе. Они напоминаютъ намъ о томъ драгоценномъ духовномъ богатствѣ, которымъ обладаемъ мы, чада Православной Церкви.

Да, мы богаты. И это духовное богатство есть то, что имѣетъ Святая Церковь и которое принадлежитъ всѣмъ вѣрнымъ чадамъ Ее. Ученіе вѣры – нашей чудесной, спасающей православной вѣры, многочисленные живые примѣры жизни людей, жившихъ по вѣрѣ, по тѣмъ высокимъ началамъ и правиламъ, которыя предлагаетъ намъ Церковь, и достигшихъ той духовной чистоты и высоты, которая именуется святостію; красота и великолѣпіе нашего православнаго богослуженія и живое соучастіе въ немъ черезъ вѣру и молитву; полнота благодатной духовной жизни, открытой всѣмъ и каждому, и какъ вѣнецъ всего, единеніе чадъ Церкви въ той любви, о которой сказалъ Спаситель: "потому узнаютъ люди, что вы – Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою" (Ин. 13:35).

Митрополит Филарет.

Въ 1998 году было рѣшено перенести останки

почившаго Первоіерарха съ крипты кладбищенскаго Успенскаго храма въ новую усыпальницу подъ алтаремъ Свято-Троицкаго собора в Джорданвиллѣ. Когда 10 ноября вскрыли гробницу, то тѣло святителя оказалось нетлѣннымъ – были свѣтлого цвѣта; полностью сохранились кожа, борода и волосы.

Облаченіе владыки,

Евангеліе, грамота съ разрѣшительной молитвой, крестъ и воздухъ, покрывавшій лицо усопшаго, были въ совершенной сохранности. Даже бѣлая ткань, которой было покрыто тѣло сверху, сохранила ослѣпительную бѣлизну. Металлическіе же застѣжки находившагося въ гробу Евангелія разсыпались въ прахъ при прикосновеніи.

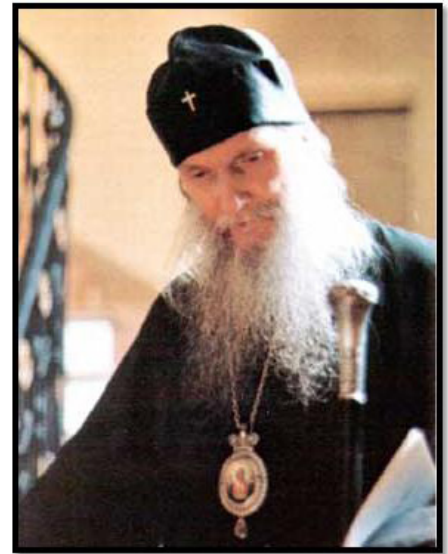
Послѣ Божественной литургіи 21 ноября, архіепископъ Лавръ призвалъ собравшихся молиться объ упокоеніи души почившаго Первоіерарха до тѣхъ поръ, пока не будетъ указана воля Божія относительно почитанія его въ ликѣ святыхъ... Послѣ Литургіи была совершена панихида, а затѣмъ гробъ съ митрополита Филарета крестнымъ ходомъ обнесли вокругъ Свято-Троицкаго собора и внесли въ усыпальницу на приготовленное мѣсто.

Слово протопр. Александра Киселева на отпѣваніи митр. Филарета

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Мы провожаемъ въ вѣчную жизнь уже третьяго Владыку Митрополита нашей Православной Русской Церкви за Рубежомъ. Намъ не время сейчасъ дѣлать какое-либо сопоставленіе между этими тремя святительскими личностями. Я позволю себѣ въ порученномъ мнѣ словѣ упомянуть только совсѣмъ кратко о духовномъ обликѣ почившаго Владыки Митрополита Филарета – такъ, какъ онъ представляется мнѣ.

Я думаю, что къ нему вполнѣ относятся тѣ слова Спасителя, нѣкогда сказанныя дѣтямъ: "Таковыхъ бо есть Царствіе Небесное" (Мф. 19:14). Владыкѣ Митрополиту были свойственны тѣ характерныя черты, которые свойственны тѣмъ людямъ, которые сохранили ихъ съ дѣтства своего – сохранили ту открытость, ту доброту, ту сердечность, то, что

Митрополитъ Филаретъ

располагаетъ человѣка къ человѣку. Этимъ качествомъ обладалъ покойный Владыка въ очень большой мѣрѣ и это чувствовали прежде всего особенно имъ любимыя дѣти и молодежь.

И вотъ Владыка лежитъ во гробѣ. Владыка отходить въ жизнь, идеже праведные пребываютъ. Владыка, съ его этими особенно мягкими чертами, человѣка, проводилъ, надо думать, особо трудную жизнь, совмѣщая эти черты съ человѣкомъ, стоящимъ во главѣ Церкви.

И я хотѣлъ бы, не обинуясь, сказать сейчасъ то, что думаю, – сказать, что всѣ мы повинны въ его трудностяхъ. Всѣ мы, которые, такъ или иначе, возлагали на него, умножали его безъ того трудные обязанности, особенно тяжело совмѣстимыя съ его этимъ мягкимъ и, въ самомъ лучшемъ смыслѣ слова, дѣвственными качествами, которыхъ у взрослыхъ людей находить бываетъ въ жизни болѣе чѣмъ трудно. Мы всѣ виновны въ этомъ. И тѣ, кто грѣшили, и тѣ, кто не остановили грѣшащихъ, и тѣ, которые думали, что ихъ дѣло иногда прійти въ церковь, и мнили себя православными, да еще православными членами Русской Православной Церкви за Рубежомъ, какъ нѣчто особенное въ Православіи.

Всѣ мы, такъ или иначе, виноваты, виноваты въ томъ, что не помогали ему, а, наоборотъ, усложняли формы и безъ того трудной церковной жизни, жизни Церкви, которая не можетъ быть изолирована отъ всего того ужаснаго, что совершается въ нашемъ мѣрѣ, совершается вокругъ насъ. Не можетъ это не проникать и въ Церковь и оно въ достаточной мѣрѣ проникало, ибо каждый живущій внѣ Церкви пропитывается, хочеть онъ или не хочеть, до какой-то степени той атмосферой, въ которой живетъ сейчасъ мѣрѣ, и входя въ Церковь, приносятъ эту атмосферу въ Церковь. Каково же быть возглавителю Первоіерарху Церкви – въ такихъ условіяхъ?

И вотъ тогда, простите мнѣ еще одно откровенное слово. Воспоминаются слова Евангельскія, слова Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа, Который когда-то сказалъ: "Вы сдѣлали домъ Отца моего домомъ разбойниковъ" (Мѣ. 21:13). Не дѣлаемъ ли это же самое и мы съ вами? Изъ нихъ же первый есмь азъ. И мы духовенство, и мы міряне, и всѣ – каждый своимъ образомъ – не грѣшень ли передъ покойникомъ Первоіерархомъ и передъ всей нашей Церковью за нашу недостойную жизнь, которая происходитъ и совершается далеко не всегда такъ, какъ бы слѣдовало, какъ бы хотелось?

Поэтому, сегодня намъ надлежитъ, не только каяться во грѣхахъ нашихъ передъ Церковью и передъ почившимъ Ее Первоіерархомъ. Этого, думаю, мало. Мало покаяніе. Нужно обѣщаніе, обѣтъ, что мы постараемся ограждать нашу Церковь, а слѣдовательно, и каждый самъ себя, внутри себя, во

всѣхъ формахъ своей жизни, ограждать отъ того, что пачкаетъ Церковь, что пятнаетъ Церковь, что дѣлаетъ Ее, хотя бы отдаленномъ смыслѣ, подобной тѣмъ словамъ Спасителя, которыя я уже привелъ только что здѣсь для вашего вниманія.

Поэтому, мы теперь, провожая почившаго, стоимъ на порогѣ ожиданія новаго, четвертаго Главы-Первоіерарха Русской Православной Церкви Заграницей. Кто бы онъ ни былъ, онъ нуждается въ томъ, въ чемъ нуждался покойный святитель. Дадимъ же ему эту нашу помощь. Не скажемъ: это не мое дѣло, я не священникъ, а священникъ скажетъ: это не мое дѣло, – я не епископъ, а епископъ, можетъ быть, скажетъ, это тоже не мое дѣло, – я не Первоіерархъ.

Кто же тогда отвѣчаетъ? Одинъ человѣкъ? Да какая бы благодать ни посѣтила его – это непосильно человѣку. Это дѣло всей Святой, Собороной и Апостольской Церкви, членами которой мы и являемся.

Будемъ же не только зваться таковыми, но и исправимъ себя, ради Церкви, ради собственнаго нашего спасенія, ради того чтобы не писаться православными христіанами, а быть таковыми. Не кичиться, что мы лучше всѣхъ другихъ православныхъ христіанъ, мы – Православная Русская Церковь за Рубежомъ – а быть поистинѣ тѣмъ, чѣмъ надлежитъ быть.

Да поможетъ же намъ Господь Бог! Да пожелаемъ же мы этого! Да приложимъ же мы особое усиліе къ достиженію этой цѣли, не одними намѣреніями, которыми, какъ говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, "дорога даже въ адъ устлана" – не одними намѣреніями, а подлиннымъ дѣломъ, которое ждетъ наша Церковь и Ее новый будущій Глава-Первоіерархъ. Аминь.

*"Православная Русь", 1985, №22.
Дополнено Прессъ-службой
Восточно-Американской Епархіи*

Изъ проповѣдей митрополита Филарета (Вознесенскаго)

Непостижимость тайны Пресвятой Троицы

Во всемъ содержаніи нашей святой спасающей вѣры, самымъ главнымъ центральнымъ пунктомъ ее является наша вѣра во Единого Бога, въ Троицѣ прославляемаго Отца и Сына и Святого Духа. Это — главный догматъ, главный пунктъ христіанскаго ученія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самый непостижимый, самый недоступный для нашего брэннаго ограниченнаго разсудка. Помните, возлюбленные, бытіе Бога Единого въ Троицѣ, это есть великая и страшная тайна, которую не дано знать человѣку, и онъ никогда ее не постигнетъ. "Никто не обыметъ необъятнаго", ибо вмѣстѣ невозможно въ нашъ ограниченный маленькій умъ эту бесконечно Великую Тайну. Блаженный Августинъ, одинъ изъ величайшихъ умовъ христіанства, хотѣлъ людямъ объяснить, что такое Богъ. Онъ удалился въ уединеніе на берегъ моря и часто бродилъ по берегу, обдумывая свою задачу и, все больше и больше убѣждаясь въ томъ, что она ему не по силамъ. И вотъ, однажды, особенно удрученный сознаниемъ этого, онъ вдругъ видитъ на берегу, что мальчикъ вырылъ ямку и наливаетъ туда морскую воду. Онъ спросилъ: "Что ты хочешь дѣлать?" Тотъ отвѣчаетъ: "Хочу море въ ямку перелить". "Наивенъ ты, отрокъ, — говоритъ ему Августинъ, — если хочешь громадное море въ эту ямку перелить!" — "А ты не наивенъ, человѣкъ, — отвѣтилъ отрокъ, когда хочешь своимъ жалкимъ маленькимъ умомъ постигнуть тайну Божества?!" И скрылся. Августинъ прекратилъ свою работу, вернулся къ себѣ и всѣмъ, кто его спрашивалъ, говорилъ: "Лучшій отвѣтъ, который я могу дать вамъ, это то, что со мной случилось на берегу моря".

Конечно, святые отцы, смиренно склоняясь передъ величіемъ и непостижимостью абсолютной тайны, однако же любили употреблять нѣкоторые примѣры для того, чтобы, не объясняя этой тайны, какъ-то приблизить ее къ нашему разсудку. Они любили говорить, напримѣръ, "вотъ солнце передъ нами: одно дѣло — старое свѣтило солнце, другое дѣло — тотъ свѣтъ, который рождается отъ него и иное дѣло — та теплота, которая исходитъ отъ него. И, однако же, солнце едино: какъ свѣтъ и теплота не могутъ быть безъ него, такъ и оно безъ свѣта и теплоты уже не будетъ солнцемъ". Или, какъ говорили святые отцы, человѣкъ созданъ по образу Божію; человѣка подобіе въ нашей душѣ какимъ образомъ? Такимъ, что наша душа, будучи едино, въ то же самое время тройственна по жизни и проявленію этой жизни. При чтеніи книги, главнымъ образомъ, работаетъ умъ человѣка. Если такъ или иначе, чувства реагируютъ на прочитанное, это является силой чувства сердца человѣка. А когда человѣкъ что-нибудь дѣлаетъ, уже своей волею, проявляетъ интересъ, тогда дѣйствуютъ вмѣстѣ сила души и воля. И однако же

считается, что переживаетъ ли, дѣлаетъ ли что-либо — все это одинъ онъ, а не три ихъ. Так, у человѣка душа едино и тройственна въ проявленіяхъ жизни своей. Вотъ этимъ примѣромъ указываютъ святые отцы, но не чтобы этимъ объяснить глубокую непонятную тайну Троицы, а чтобы немножко пояснить ее.

Вотъ примѣръ изъ жизни великомученицы Варвары. Отецъ ее уѣхалъ, приказавъ въ одномъ помѣщеніи сдѣлать два окна, а она попросила, чтобы сдѣлали три. Приказала дочь хозяйина — сдѣлали три. Отецъ возвращается, спрашиваетъ: "почему сдѣлали три, когда я сказалъ два?" Тогда дочь отвѣчаетъ: "Я сказала, чтобы сдѣлали три, потому что есть три окна, черезъ которые единый Свѣтъ Единого Божества изливается въ міръ, просвѣщая его". Это привело въ ярость ее отца, послѣдовали гоненія и ее мученическая кончина.

Будемъ помнить — непостижима тайна Божія, но в то же самое время, когда она хоть немножко пріоткрывается, то можно сказать словами Святителя Григорія Богослова, который говоритъ, что какъ его душа тоскуетъ объ этой непостижимой тайнѣ и, когда она только чуть-чуть, какимъ-то блистаніемъ молніи, мелькнетъ передъ его разумомъ — "въ восторгъ меня приводитъ эта бесконечная красота!" Помни, что сказалъ Святитель: "если есть у насъ понятія о добрѣ, о красотѣ, то это все въ бесконечномъ и совершеннѣйшемъ видѣ въ Господѣ Богѣ нашемъ! Нашъ Господь есть бесконечное добро и совершенная чудная красота и правда вопреки той лжи, которая въ противномъ состояніи. Будемъ это помнить и благодарить Господа за то, что мы съ вами принадлежимъ къ Православной Церкви, которая право учить о Богѣ и право учитъ о Тайнѣ Троицы, призывая насъ вѣровать въ Отца и Сына и Святого Духа — Троицѣ Единосущной и Нераздѣльной. Аминь.

<http://www.lib.eparhia-saratov.ru/books/20f/filaret/filaret2/197.html>

Значеніе чудесъ Господа Иисуса Христа

Среди многочисленныхъ чудесъ Спасителя, о которыхъ мы читаемъ въ Евангеліи, есть чудеса, которые имѣли для святыхъ апостоловъ особо воспитательное значеніе. Нелегко было то дѣло, к которому готовилъ ихъ Божественный Учитель, сказавши имъ: "Какъ послалъ Меня Отецъ, такъ и Я посылаю васъ". Къ этому отвѣтственному служенію Господь, какъ идеальный, премудрый Учитель, и готовилъ Своихъ апостоловъ и учениковъ. Это чудо какъ разъ явно къ этому и направлено, — напримѣръ, чудесный уловъ рыбы.

Совершенно одинаковое чудо было совершено и въ началѣ Его служенія и въ концѣ, послѣ Воскресенія Его — чудесный уловъ рыбы. Это чудо, въ которомъ

видно, что всѣ человеческія усилія, безъ Божественной помощи, сами по себѣ, ровно ничего не стоятъ. И въ первомъ чудесномъ случаѣ, и во второмъ, апостолы трудились всю ночь и не поймали ничего, а когда получили благословіе Своего Учителя, то оба раза уловъ былъ чудесной небывалой величины. Этимъ Господь и училъ ихъ тому, чтобы они на свои силы, на себя самихъ, никогда и ни въ чемъ не полагались!

Эту истину отъ святыхъ апостоловъ усвоили всѣ великіе служители Церкви — святители, преподобные. Отецъ Іоаннъ Кронштадтскій сколько разъ въ своемъ дневникѣ говорилъ: "Только на Бога, больше ни на кого опереться нельзя: тамъ, гдѣ у насъ немощь и нищета, Бог все можетъ! И поэтому только въ Богъ, въ Божьей помощи, и можно что-то совершить". И въ этомъ случаѣ, въ чудесномъ уловѣ рыбъ, Господь и показалъ, какъ много значить Его Божественное благословіе.

Сегодня мы слышали чудо — насыщѣніе пяти тысячъ человѣкъ пятью хлѣбами. Нѣсколько позднѣ Господь совершилъ совершенно такое же чудо, так же насытилъ народъ въ пустынь, когда семью хлѣбами насытилъ четыре тысячи человѣкъ. Одно и то же чудо, только съ небольшою разницей въ цифрахъ, совершается дважды. Здѣсь Господь, совершая это чудо, давалъ апостоламъ понять, что несмотря на то, что сами по себѣ ихъ усилія, то, что въ нихъ есть — ничего не означаютъ. Однако же, если въ нихъ есть что-то небольшое, то съ Его помощію оно превратится въ многое.

Когда апостолы Ему сказали, что имъ нечѣмъ насытить эту огромную толпу, эти тысячи людей, то Господь Іисусъ Христосъ, Который въ началѣ вѣковъ все создалъ изъ ничего, Онъ и тутъ Своей всемогущею силою могъ бы сейчасъ же сотворить изъ ничего столько пищи, сколько нужно было для этого народа. Но Онъ этого не дѣлаетъ. Онъ повелеваетъ апостоламъ принести эти хлѣбы, благословляетъ ихъ, даетъ апостоламъ послѣ преломленія и, когда они раздають его народу, чудеснымъ образомъ оказывается, что хлѣбы умножились такъ, чтобы хватило всѣмъ. И въ первомъ и во второмъ чудѣ еще осталось больше, чѣмъ было хлѣба до начала чуда. Вотъ такъ Господь и показываетъ человѣку: дѣлай то, что ты сможешь, что у тебя есть — то дай, а Самъ Онъ прибавитъ то, что Онъ Одинъ можетъ прибавить отъ Себя.

Говорится въ Священномъ Писаніи: "Сыне, сотвори твою силу, а Я приложу тебѣ Мою". Иными словами, Господь благоволитъ устраивать такъ, что точка приложенія Его Божественной силы есть усиліе самого человѣка. Самъ человѣкъ своими усиліями ничего не достигъ, но Господь къ его усиліямъ прилагаетъ Свою благодать и Свою Божественную всемогущую силу и человѣкъ, оказывается, можетъ многое сдѣлать.

Не такъ давно мы вспоминали здѣсь слово апостола Павла, который не остановился передъ тѣмъ, чтобы сказать: "Вся могу!" — я все могу, но тутъ же добавилъ — "о укрѣпляющимъ мя Іисусъ Христѣ". Т.е., я все могу, когда меня укрѣпляетъ Господь Іисусъ

Христосъ. Такъ христіанинъ всякій въ своихъ жизненныхъ трудахъ, въ своемъ добродѣланіи долженъ помнить, что Господь ждетъ отъ него труда и работы, а Самъ къ этому приложитъ Свое благословіе и Свою всемогущую силу. А если не станетъ человѣкъ самъ трудиться, то и Господь не поможетъ ему.

Господь дѣло спасенія человѣка совершилъ, какъ говорятъ святые отцы — безъ Божьей благодати человѣкъ не спасетъ свою душу. Онъ не способенъ безъ Божьей благодати ни на какое истинное доброе дѣло. Но, если онъ трудиться надъ своей душой не будетъ, то и Господь тогда не станетъ ему посылать Свою благодатную помощь и человѣкъ останется ни съ чѣмъ. Вотъ это намъ нужно всегда помнить. Святые отцы говорятъ, что спасеніе человѣческой души содѣлывается двумя усиліями, двумя силами: силой человѣческой и силой Божественной. Господь ждетъ, чтобы мы примѣнили нашу силу, пусть будетъ она хоть самая слабая. Если это мы сдѣлаемъ, по своимъ возможностямъ, то Его помощь не замедлитъ, лишь бы самъ человѣкъ не надѣялся бы на себя, а ждалъ отъ Него помощь. "На себя не надѣйся, — говорилъ о. Іоаннъ Кронштадтскій, — и ничего добраго отъ себя не ожидай, а съ Богомъ сможешь все, ибо Онъ щедръ и милостивъ, долготерпѣливъ и многомилостивъ". Аминь.

<http://www.lib.eparhia-saratov.ru/books/20f/filaret/filaret2/202.html>

Святые Мученики

Когда въ первые вѣка христіанства Церковь испытывала тяжкій періодъ гоненій, Она украсилась неисчислимымъ сонмомъ — тысячами и болѣе чѣмъ тысячами святыхъ мучениковъ.

Далеко не всѣхъ мучениковъ имена сохранились; далеко не о всѣхъ подвигахъ ихъ остались памятники; но нѣкоторыя записи объ этихъ подвигахъ тогда велись и въ этихъ записяхъ были имена пострадавшихъ и описывались ихъ страданія за Христа Спасителя. И вотъ такіе списки именовались по-гречески "мартирологи" отъ слова мартирость — свидѣтель. Мученики въ древности такъ и именовались этимъ словомъ мартирость, т.е. "свидѣтель". Почему ихъ такъ именовали? Потому что они, своимъ мужествомъ, своей вѣрностью Христу и готовностью идти не только на кровавые пытки, но и на смерть, свидѣтельствовали о силѣ своей вѣры, и объ истинѣ христіанства.

Вотъ сегодня Церковь прославляла св. Великомученицу Екатерину. Молодая дѣвушка, богатая и знатнаго рода, необыкновенная красавица собою, она имѣла кажется всѣ возможности разсчитывать на то, что называется, "успѣхъ въ жизни". Много было соискателей ее руки, — ихъ привлекали ее знатность и богатство, и ее изумительная красота; но всѣ они получали отказъ. А изъ житія ее мы знаемъ, что ее чудеснымъ образомъ, въ неоднократныхъ виденіяхъ призывалъ къ Себѣ Самъ

Господь. А когда Онъ на ее дѣвичью руку надѣлъ перстень и сказалъ: "не знай жениха земнаго", тогда она вся цѣликомъ устремилась къ Небесному Жениху и была готова за Него претерпѣть любую муку и смерть. Въ ее житіи описываются страшныя муки, которыя и представить себѣ страшно человѣку; а юная дѣва вытерпѣла ихъ не только безропотно, но и радуясь, что можетъ она доказать своему возлюбленному Жениху любовь и вѣрность Ему. Какой трогательный примѣръ! Знатность, богатство, молодость и красота — все принесено въ жертву ради Господа Спасителя...

Вотъ скоро будетъ память подобной ей Великомученицы Варвары. Также знатная, также богатая, также изумительно красивая собою дѣвушка, еще моложе чѣмъ Екатерина, совсѣмъ юная, дѣвушка-подростокъ, она пошла на страданія также какъ и Екатерина радуясь, что можетъ показать и доказать и засвидѣтельствовать свою вѣру, вѣрность и любовь ко Христу. Вотъ потому-то и святые мученики и мученицы и именуются именно свидѣтелями. Ихъ свидѣтельство о вѣрѣ и истинѣ христіанства хранится Церковью и не умолкаетъ. Не ихъ ли примѣрами вдохновлялись у насъ на родинѣ сонмы новомучениковъ, которые прославили Бога своими вѣрою, терпѣніемъ, и мученическою смертию, когда они подобно древнимъ мученикамъ были притесняемы и гонимы, и были готовы на все.

Древніе мученики свидѣтельствовали позднѣйшимъ новомученикамъ о той Истинѣ, за которую они страдали и умирали. Ихъ примѣръ воодушевлялъ нашихъ новомучениковъ. Церковь предлагаетъ ихъ примѣръ и нашему вниманію, для того, чтобы мы, воодушевляясь ихъ рѣшимостью, до конца были вѣрными своему Спасителю, дабы и въ нашей жизни исполнилось то, къ чему такъ возвышенно призываетъ Господь въ Апокалипсисѣ: "будь вѣренъ даже до смерти и дамъ тебѣ вѣнецъ жизни". До смерти, и тяжкой смерти, были вѣрны всѣ святые мученики — за то и получили они тотъ вѣнецъ жизни, который угодовалъ Господь любящимъ Его. Да поможетъ Господь и намъ послѣдовать ихъ высокому и святому примѣру. Аминь.

<http://www.lib.eparhia-saratov.ru/books/20f/filaret/filaret2/157.html>

Великіе подвижники древности

Месяць январь богатъ днями, посвященными памяти многихъ великихъ угодниковъ Божіихъ, а также церковными службами, связанными съ прославленіемъ ихъ и воспоминаніями о нихъ. Въ противоположность январю — месяцы февраль и мартъ, на которые обычно выпадаютъ дни Великаго Поста, имѣютъ сравнительно мало дней, связанныхъ съ воспоминаніемъ особо чтимыхъ угодниковъ Божіихъ.

Сегодня святая Церковь прославляетъ великаго отшельника-подвижника преподобнаго Павла, Фивейскаго пустынножителя, а черезъ день

она будетъ прославлять св. Антонія Великаго. Этотъ великій угодникъ Божій, уже въ юные годы всецѣло воспламенился желаніемъ служить только Господу, подобно тому, какъ много времени спустя такимъ же желаніемъ воспламенился преп. Серафимъ Саровскій, какъ и поется въ тропарѣ ему: "Отъ юности Христа возлюбилъ еси, блаженне, и Тому Единому работати пламеннѣ вождедевь..."

Въ житіи св. Антонія повѣствуется, какъ онъ — богатый юноша, обладавшій значительнымъ состояніемъ, придя какъ-то въ церковь, услышалъ евангельское повѣствованіе о богатомъ юношѣ, которому Господь сказалъ: "Если ты хочешь совершенъ быти, — раздай свое имѣніе нищимъ и иди за Мною". Изъ Евангелія извѣстно, что юноша не исполнилъ этого, а "отъиде скорбѣ" — и ушелъ; слишкомъ привязано было его сердце къ богатству.

Антоній же, услышавъ эти слова, сказалъ самъ себѣ: "То, что тотъ богатый юноша не сдѣлалъ — я, съ Божіей помощью, постараюсь совершить". Пошелъ, раздалъ свое имѣніе, все свое богатство, постарался обеспечить свою молодую сестру, которая была на его попеченіи, и — ушелъ на путь подвига. И въ концѣ этого многолѣтняго подвига, сталъ великимъ наставникомъ монашествующихъ — Антоніемъ Великимъ, которого, по сказанію его житія и по преданію церковному, сами злые духи боялись и трепетали, ибо въ свое время онъ вынесъ тяжелѣйшую и мучительнѣйшую борьбу съ ними, и силою Божіей, помощью Божіей Благодати, побѣдилъ ихъ въ конецъ.

Въ житіи Антонія Великаго говорится еще слѣдующее: когда онъ состарился, проживъ въ пустынѣ болѣе 70 лѣтъ, и былъ уже глубокимъ старцемъ, то злой духъ-искуситель, не будучи въ состояніи никакими соблазнами его поколебать, сталъ внушать ему гордую мысль, что, якобы, онъ духовно выше, и совершеннѣе всѣхъ другихъ пустынниковъ, потому что долше всѣхъ подвизается въ этой безлюдной пустынѣ. И тогда Господь открылъ Антонію, что въ самомъ отдаленномъ и уединенномъ мѣстѣ этой же пустыни живетъ глубокой старецъ-подвижникъ, который еще раньше него поселился въ пустынѣ. Услышавъ Откровеніе Господа, Антоній, какъ юноша, снова возгорѣлся желаніемъ увидѣть этого сокровеннаго старца-подвижника, и пошелъ въ глубину пустыни. Руководимый Божіей Благодатью, онъ, наконецъ, подошелъ къ пещерѣ, въ которой была дверь; но когда онъ къ ней приблизился — дверь наглухо закрылась. Остановился Антоній у двери и сталъ ждать и умолять, чтобы невѣдомый и таинственный жилецъ этой пещеры открылъ свою дверь. Онъ сталъ даже, какъ-бы угрожать невидимому обитателю пещеры, говоря: "Я не уйду съ этого мѣста, пока ты мне не откроешь, хотя бы мнѣ пришлось умерѣть отъ голода и отъ солнечнаго зноя", — ибо это было въ южныхъ странахъ, гдѣ зной таковъ, о которомъ мы здѣсь и представленія не имѣемъ... Изъ-за двери послышался голосъ: "Кто проситъ съ угрозами?" — и

дверь открылась. Навстрѣчу убѣленному сединами старцу Антонію вышелъ еще болѣе глубокій старецъ, и тутъ оба подвижника, давая другъ другу братское лобзаніе любви, въ силу прозорливости своей, назвали другъ друга по имени: "Радуйся, Павле" — "Радуйся, Антоніе!"

Преп. Антоній, хотя и жилъ долгіе годы въ пустынь, но все же иногда изъ этой пустыни выходилъ, для посѣщенія своихъ духовныхъ чадъ и для защиты вѣры отъ еретиковъ; Павелъ же, проживъ въ пустынь болѣе 90 лѣтъ безвыходно и въ совершенномъ одиночествѣ, не могъ знать рѣшительно ни о чемъ, происходившемъ въ мірѣ, и спрашивалъ Антонія объ этомъ. Святые старцы стали бесѣдовать. Когда подошелъ часъ трапезы, прилѣтѣвшій воронъ положилъ круглый хлѣбъ передъ ними на столъ; тогда преп. Павелъ воскликнулъ: "Щедръ и Милостивъ Господь! Вотъ уже сколько лѣтъ я здѣсь живу, и воронъ приноситъ мнѣ полъ-хлѣба, а сегодня пришелъ ты, — и онъ принесъ цѣлый хлѣбъ". И, вотъ, начинается споръ любви и почтенія. Полагается, чтобы старшій преломилъ хлѣбъ, поэтому Антоній просилъ Павла, говоря: "Ты старше меня;" Павелъ отвѣчалъ: а Ты — мой дорогой гость. Сдѣлай это ты". Между святыми старцами завязался святой споръ, который закончился чудеснымъ образомъ: каждый взялся за каравай хлѣба со своей стороны, чтобы переломить его обоюднымъ усиліемъ; но не успѣли они это сдѣлать, какъ хлѣбъ былъ раздѣленъ невидимой рукой на двѣ половины... Позднѣе, когда Антоній оставилъ Павла, а потомъ, спустя нѣкоторое время, снова направился къ нему, по дорогѣ онъ увидѣлъ видѣніе: — душу преподобнаго Павла, возносимую на небо ангелами. Возскорбѣлъ старецъ Антоній, понявъ, что это можетъ значить, и поспѣшилъ къ пещерѣ Павла; тамъ онъ, увидѣлъ преп. Павла, коленопреклоненнаго и углубленнаго въ молитву. Ставъ рядомъ съ нимъ на колени и также погружившись въ молитву, Антоній болѣе часа провелъ въ глубокой, сосредоточенной молитвѣ, и только послѣ этого замѣтилъ, что преп. Павелъ мертвъ. (Такимъ же коленопреклоненнымъ передъ Иконой Богоматери и глубоко погруженнымъ въ молитву скончался, много-много лѣтъ спустя, нашъ великій угодникъ Божій преподобный Серафимъ Саровскій).

Сильно скорбѣлъ послѣ кончины преп. Павла преподобный Антоній, говоря: "Такъ поздно узналъ я тебя, Павелъ, и такъ скоро ты ушелъ отъ меня". Тогда прибѣжали львы и вырыли яму, въ которой преп. Антоній и похоронилъ своего духовнаго друга. А когда послѣ возвращенія, ученики пр. Антонія, видя его особый духовный подъемъ, спрашивали, гдѣ онъ былъ и что является причиной такого его состоянія, онъ имъ отвѣтилъ: "Грѣшный я! А еще считалъ себя монахомъ... Я видѣлъ Павла въ раю!"

Необыкновенная жизнь! Насколько она, эта жизнь угодниковъ Божіихъ, не похожа, и по внѣшней своей формѣ, и по внутреннему содержанію, на ту жизнь, которой обычно живутъ люди, даже

религіозные, и духовно настроенные. Какое гореніе духа нужно имѣть для того, чтобы подвизаться такъ, какъ подвизались эти необыкновенные люди! Одного изъ такихъ подвижниковъ какъ-то спросили: "Не скучно ли тебѣ — всегда одному?" Онъ былъ затворникомъ и изъ своей пещеры не выходилъ никогда. На этотъ вопросъ онъ отвѣтилъ: "Иисусъ — моя утѣха, съ Нимъ нигдѣ не будетъ скучно"... Эти необыкновенные люди жили въ постоянномъ живомъ общеніи съ Богомъ, и это для нихъ замѣняло все. И когда приходилось имъ иной разъ отрываться отъ излюбленнаго уединенія, которое было для нихъ всегда наполнено молитвой и живымъ общеніемъ съ Богомъ любви, то они скорбѣли и стремились, какъ можно скорѣе возвратиться къ своему уединенію. Ихъ тяготило общеніе съ внѣшнимъ міромъ, съ людьми. А, между тѣмъ, люди, проведавъ объ ихъ житіи, ихъ подвижничествѣ и святости, — начинали приходиться къ нимъ, — порой очень издалека, — ища и прося ихъ совѣта, молитвъ, помощи и утѣшенія; и, естественно, получивъ просимое, прославляли этихъ подвижниковъ и праведниковъ, и снова просили ихъ молитвъ и заступничества передъ Господомъ Славы.

Эти люди, — подвижники и праведники, — шли къ вѣчнымъ цѣлностямъ; они были, если можно такъ выразиться, духовные максималисты, и все евангельскія заповѣди и духовныя постановленія ими принимались безъ разсужденій, безъ "умствованій" — безоговорочно, во всей ихъ полнотѣ, — какъ они есть.

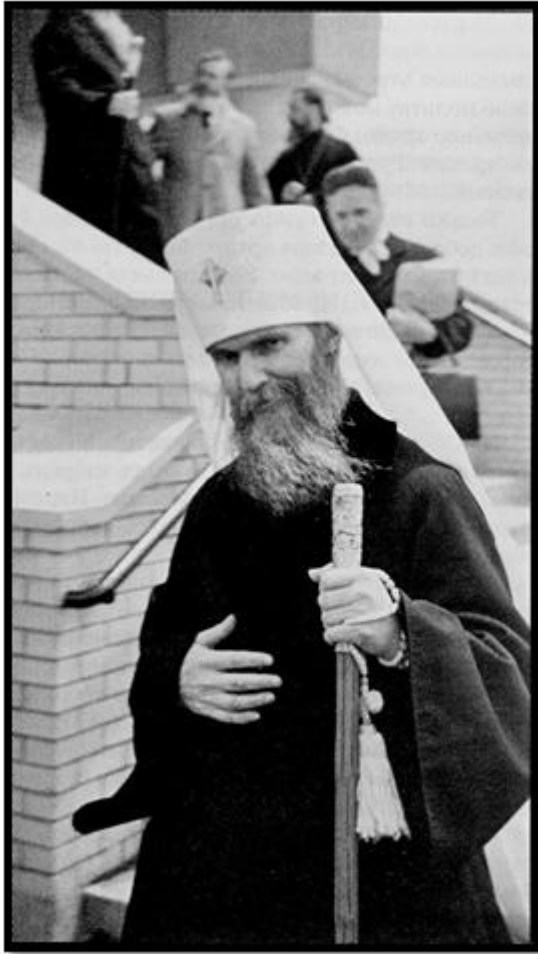
Наша бѣда заключается въ томъ, что если мы и читаемъ Евангеліе, и видимъ въ немъ заповѣди Господни, — то думаемъ, что все это направлено къ кому-то другому, но не къ намъ. Призывы Спасителя и все, что въ Евангеліи содержится, относится, будто къ кому-то другому, и мало, очень мало такихъ, кто обращаетъ и примѣняетъ святое Евангельское слово къ себѣ непосредственно. А вотъ угодники Божіи жили именно такъ.

Извѣстно, что позднѣе одному великому подвижнику было видѣніе: по его просьбѣ Господь показалъ ему блаженства праведниковъ въ раю, въ райскихъ таинственныхъ обителяхъ. Но Антонія Великаго онъ тамъ не видалъ. И когда спросилъ онъ: "А гдѣ же Антоній?" — ему отвѣтили: "Антоній тамъ, гдѣ Самъ Богъ..."

Особый, исключительный подвигъ жизни этого великаго угодника Божія приблизилъ его къ Богу настолько, что Господь сподобилъ его особой близости и теснаго сопребыванія съ Собой, въ блаженной вѣчности.

Такой высокой, чудесной жребій даетъ Господь только особымъ избранникамъ Своимъ; но примѣръ ихъ святой жизни сіяетъ передъ нами, какъ солнце, указывая намъ, къ чему нужно стремиться, и что считать выше и драгоцѣннѣе всего. Аминь.

Biography of Metropolitan Philaret (Voznesensky)

Metropolitan Philaret

Metropolitan Philaret, was born George Nikolaevich Voznesensky in Kursk on March 22, 1903. His mother, Lidia Vasilievna, died when George was only 18 years old, while his father, soon thereafter accepting monastic tonsure under the name Dimitry, became an archbishop. In 1947, his father was repatriated to the USSR, where he died shortly thereafter.

Metropolitan Philaret's family moved to Blagoveschensk, on the Amur River, in 1909. In 1920, he completed the eight-grade gymnasia. Moving with his family to Harbin, he entered the Russo-Chinese Polytechnic Institute and graduated it an electromechanical engineer in 1927. In 1931, he completed the pastoral theology courses, soon thereafter renamed the Theology Department, at the University of St. Vladimir. He would later become a professor of New Testament, Pastoral Theology, and Homiletic studies at the same. In 1930, he was ordained to the diaconate, and in 1931 was tonsured a monk under the name Philaret. A year later, he was ordained a Hieromonk, in 1933 – elevated to the rank of hegumen, and in 1937 – to the rank of archimandrite.

One of Vladyka's university colleagues recalled: "Archimandrite Philaret did great work advancing Church activities and pastoral

homiletics. Worshippers would seek to attend whatever church he was serving in. He was beloved by every class of Harbin's Orthodox population. The name of Archimandrite Philaret was renowned even beyond the confines of the Harbin Diocese. He was kind, and accessible to all who approached him. And that was a great many people. People who went to him knew that they would receive proper advice, as well as comfort and help. Archimandrite Philaret was very strict with himself; he was known as a true ascetic. Our kindhearted Vladyka also had a very rare kind of memory. When one would meet him, he would express great interest in every facet of one's life; he felt no need to remind anyone of his own needs or difficulties, but would develop any topic of conversation, and was ready to answer any question."

When Soviet forces occupied Manchuria, Archimandrite Philaret decisively refused to accept a Soviet passport. When a newspaper reporter came to interview him, asking what he thought of "the wise decision on the part of the Soviet government to offer the Russian population of Harbin the chance to reestablish the citizenship of their homeland," he heard the following courageous response: "I do not consider accepting Soviet citizenship possible, and will not do so, until such time as I will not have confirmed by the facts, and 100% without a doubt, that the persecution of religion, antireligious propaganda, and attacks on servants of the Church have ceased entirely, and that the Church, which did not 'secede,' but was banished by the government, has once more taken its rightful place." Until the end of his days in China, Archimandrite Philaret never accepted Soviet citizenship, despite the danger inherent in taking such a position. Another time, Archimandrite Philaret was disciplined for his boldness. Once, having discovered a church newsletter in which Lenin was counted among the geniuses and benefactors of mankind, Archimandrite Philaret expressed his indignation in a sermon, which received widespread notoriety.

His fearless denunciations of the theomachist Communists inspired a particular hatred within them, and they decided to burn Archimandrite Philaret alive, lighting his monastic cell on fire. But the Lord preserved His chosen one: although with severe burns, Vladyka escaped the fiery trap alive.

At all times working to defend his flock, he, in his own words, "never sullied my lips and my prayer with prayers for the servants of Antichrist," despite multiple threats. Additionally, Archimandrite Philaret also exchanged correspondence with the head of the Russian Church Abroad, Metropolitan Anastassy, ignoring the dangers implicit in doing so.

The Synod of Bishops tried long and hard to receive a visa for him to exit China, and, judging by available archived correspondence, almost every diocese of the Church Abroad hoped to get him for itself. Only in 1962 was the Synod of Bishops able to get Archimandrite Philaret to Hong Kong, from whence he was able to quickly get to Brisbane. A large portion of his former parishioners had gathered in Australia, and upon his arrival there, with a great many signatures, they petitioned the Synod to appoint him bishop of that city. The petition was enthusiastically supported by the already ailing Archbishop Savva, and in 1963 Archimandrite Philaret, to the joy

of his former flock, became Bishop of Brisbane.

At the Council of Bishops in 1964, at which Metropolitan Anastassy announced his retirement, Bishop Philaret, having arrived in place of his ruling bishop, Archbishop Savva, was elected First Hierarch. The Council determined him to be the new Hierarch of the Russian Church Abroad, a burden he carried for 21 years.

As it happened, almost in the middle of the period of his rule, the Third All-Diasporan Council was summoned. Our faithful immediately recall the four great glorifications of God-pleasers: Righteous St. John of Kronstadt, Venerable St. Herman of Alaska, Blessed St. Xenia of St. Petersburg, and the Holy New Martyrs and Confessors of Russia.

Our First Hierarch appealed more than once with enlightening letters to the heads of other Churches, many of whom heeded his call. Vladyka was a remarkable preacher. Deep faith, fiery prayer, kindness and benevolence, concern for the continued, undisturbed spiritual peace and steadfast defense and confession of Truth – these were the primary characteristics of our First Hierarch, Metropolitan Philaret.

Vladyka reposed in the Lord on November 21, 1985, on the day of the Archangel Michael. His convictions were clearly expressed in his will. In the published Spiritual Testament, the Metropolitan said the following:

Hold that fast which thou hast! (Rev. 3:11).

These words, taken from the sacred Book of the Apocalypse, have a particular significance in our time, in our greatly sorrowful, evil, temptation-filled days. They remind us of that priceless spiritual wealth that we possess, as children of the Orthodox Church.

Yes, we are rich. This spiritual wealth is that which the Holy Church possesses, and it is offered to all her faithful children. The teaching of the Faith, of our marvelous, salvific Orthodox Faith; the countless living examples of the lives of people who have lived according to the Faith, according to those lofty principles and rules that the Church offers us. Those who have attained that spiritual purity and exaltedness that is called holiness; the beauty and majesty of our Orthodox Divine services and a living participation in them through faith and prayer; the plenitude of the grace-filled spiritual life that is open to each and every one, and, crowning it all, the unity of the children of the Church in that love of which the Savior said: By this shall all men know that ye are My disciples, if ye have love one to another (John 13:35).

Metropolitan Philaret.

In 1998, it was decided to transfer the remains of the reposed First Hierarch from the crypt of the cemetery Church of Dormition to the new vault under the altar of the Holy Trinity Cathedral in Jordanville. When his tomb was opened on November 10, his relics were found to be incorrupt; he was a light color, and his skin, beard, and hair were completely preserved. Vladyka's vestments, Gospel, gramata with the prayer for the departed, cross, and the shroud covering the departed's face were all totally preserved. Even the white cloth used to cover the top of body had kept its radiant

whiteness. Meanwhile, the metal clasps of the Gospel fell apart at a touch.

After the Divine Liturgy on November 21, then-Archbishop Laurus called upon all those gathered there to pray for the repose of the First Hierarch's soul, until such time as God's will should indicate he be added to the body of saints. A panihida was then served, after which a crucession with Metropolitan Philaret's coffin took place around the cathedral to the tomb, where it was laid in its prepared place.

Protopresbyter Alexander Kiselev's Eulogy at the Funeral of Metropolitan Philaret

In the name of the Father and the Son and the Holy Spirit!

Today we escort the third Metropolitan of our Orthodox Russian Church Abroad to the eternal life. It is not now time for us to make some kind of comparisons between these three hierarchs. I will allow myself in my allotted time a short word on the spiritual character of our reposed Metropolitan Philaret – that is, how he seemed to me to be.

I think that the words of the Savior, spoken at one time to children, "Of such is the Kingdom of Heaven" (Matt. 19:14), apply to him fully. Our Metropolitan had those particular character traits that are particular to those people who preserved them from their childhood – preserved that openness, that kindness, that tenderness, that, which favorably disposes one man to another. Vladyka possessed these traits in great measure, and this was felt foremost by the children and youth beloved by him.

And so Vladyka lies in his coffin. He departs for a life inhabited by the righteous.

Vladyka, with these especially gentle traits of his, led what one might consider a very difficult life, combining these traits with those of a man standing at the head of the Church.

And I would like to straightway speak my mind, and say that we are all guilty in his struggles. We all, who in one way or another relied on him, multiplied his already difficult duties, particularly strenuously coupled with his gentle and, in the best sense of the word, virginal characteristics, the sustainment of which for adults is often less than simple. We are all guilty of this. Those who transgressed, and those who did not stop the transgressors, and those who thought their business was to come to church from time to time and considered themselves Orthodox, let alone Orthodox members of the Russian Orthodox Church Abroad, as something special in Orthodoxy.

All of us, in one way or another, are guilty of not helping him, quite the opposite: we complicated the already difficult ways of Church life, that Church life which cannot be separated from all of the terrors of this world that occur around us. It is impossible that all of this will not penetrate the Church, and in some degree it has penetrated, for everyone who lives outside of the Church, like it or not, is to some degree filled with that atmosphere in which the modern world finds itself, and upon entering the Church, brings that atmosphere into the Church. How then is it to live as the First Hierarch of the Church in such circumstances?

And then, forgive me another candid word. The words of the Gospel come to mind, the words of the Savior, our Lord Jesus Christ, Who said once: "You have made my Father's house a den of thieves" (Matt. 21:13). Do you and I not do the same thing? Of them I am chief. We clergy, we lay people, and everyone – each in his own right – have we not sinned before the departed First Hierarch and before our Church by our unworthy life, which carries on far from how it should, far from how we would like it?

Therefore, today it is proper for us not only to repent for our sins before the Church and Her First Hierarch. I think this insufficient. It is insufficient to repent. We must promise, give an oath, that we will attempt to defend our Church and, consequently, ourselves as well; we must defend our internal selves, in every manifestation of our lives, from that which sullies the Church, which stains the Church, which makes Her, even in the smallest way, reminiscent of the words of the Savior, which I have brought just now to your attention.

For this reason we here, escorting the departed, stand in the doorway, awaiting a new head, a new First Hierarch of the Russian Orthodox Church Outside of Russia. Whoever he may be, he will need what our departed hierarch needed. Let us give him of our help. Let us not say, this is not my responsibility, I am no priest; while the priest says, this is not my responsibility, I am no bishop; while the bishop says, this is not my responsibility, I am not the First Hierarch.

Who is responsible then? One man? No matter what grace may be visited upon this man, it is beyond the strength of any one. It is the responsibility of the whole Holy, Catholic, and Apostolic Church, of which we are the members.

Let us then not just call ourselves such, but let us right ourselves, for the sake of the Church, for the sake of our own salvation, for the sake of not calling ourselves Orthodox Christians, but being such. Let us not boast that we are better than all the other Orthodox Christians, we, the Russian Orthodox Church Outside of Russia, but let us be whom we ought to be.

May the Lord God help us! Let us truly want this! Let us apply all our efforts to attaining this goal, not by our intentions alone, "with which," St. John Chrysostom notes, "even the road to hell is paved." Not by intentions alone, but with true deeds, for which our Church and Her new, future head, the First Hierarch, will be waiting.

Amen.

"Orthodox Rus", 1985, #22.

Translated and edited by the Media Office of the Eastern American Diocese

<http://eadiocese.org/History/metphilaret.en.print.htm>

From the Homilies of Metropolitan Philaret

Homily on the Theophany

On the day of the feast of Theophany--the Baptism of the Lord--it is not out of place to remember another baptism: that baptism which was performed over each of us Orthodox Christians, that baptism at which each of us, by the mouth of our godparents, gave a promise to God that he would always renounce Satan and his works and would always unite himself, "join himself" with Christ.

This, I repeat, is especially fitting for this present day. The solemn rite of the Great Sanctification of Water will be performed shortly. Its center, its main part, one could say, is the majestic prayer wherein the Lord is glorified and the grace of the Holy Spirit is called down upon the water being sanctified. This prayer begins with the beautiful words: "Great art Thou, O Lord, and marvelous are Thy works, and no word sufficeth to hymn Thy wonders." Whoever has been at a performance of the mystery of Baptism and was present attentively, knows that the prayer at the sanctification of the water in which a man will be baptized begins with these same words, and the first part of this prayer is completely the same, both at the Great Sanctification of Water and at the performance of the mystery of Baptism. And only later, in the last part, does the prayer at the performance of the mystery of Baptism change, as applicable to this mystery, when a new human soul will be baptized.

And so, it would not do us any harm to remember those vows given at Baptism on behalf of each of us. When a man is baptized as an adult, as even now sometimes happens, and happened especially often in antiquity, he himself makes the vows on his own behalf; but if he is baptized in infancy, his godfather or godmother--his "sponsors," as the Church calls them--pronounce these vows for him. And so these vows, in which a Christian has promised God to renounce Satan and all his works and to join himself, to unite himself with Christ, these vows are not only forgotten by people, but many in general know nothing about them or about the fact that these vows were pronounced for them and that they ought to think a little about how they must fulfill these vows.

And what if at the last day of the history of the human race on earth — on the day of the Dread Judgment — it turns out that a man (or his sponsors for him) made vows, and he does not even know what the vows were and what was promised? What will happen to such a man?

Think, brethren, about what it means to renounce Satan and all his works and to join oneself to Christ.

The times are such now that a God-opposing bustle, in which the enemy of the human race reigns, has taken possession of humanity and, as was said in olden times, forces almost all people “to dance to its tune.” All this bustle, of which our present life is composed, is a God-opposing bustle, in which there is no God, in which God’s enemy holds sway and rules. If we made a vow to renounce Satan and all his works, then, in fulfilling it, we ought to strive not to stifle our soul with this bustle, but to reject it and to remember how the Church says, “One thing is needful” — only one thing is necessary — and to remember that we must join ourselves with Christ, that is, not only fulfill His commandments, but also endeavor to unite ourselves with Him.

Think, then, about this, O Christian soul, on this day of the radiant and great feast; think and pray that the Lord send thee firm faith and the resolve to fulfill these vows, and not to be swallowed up by the bustle of the world and lose the tie with the Lord, with Whom thou didst promise to join thyself for ever.

Today’s feast is called the feast of the Lord’s Baptism or the feast of Theophany; but those who know well the church Typicon, know also that sometimes in this Typicon it is also called “the feast of the holy Theophanies” — in the plural number.

Why? Here is why: Of course, that which the singers sang about today — “God the Word appeared in the flesh to the human race” — is the center of the commemorations of the present feast day. The incarnate Son of God, of Whose birth, when He was born, only a very few knew, “appeared to the human race”; for His baptism is, as it were, His solemn inauguration of His ministry, which He then performed after that until His death and resurrection.

But at the very same time, the fact that precisely on this feast “the worship of the Trinity was made manifest,” as

is sung in its troparion, is characteristic of today’s feast. All three Persons of the Holy Trinity appeared for the first time in their separateness, which is also why this feast, I repeat, is called “the feast of the holy Theophanies.” Men heard the voice of God the Father: “This is my beloved Son, in Whom I am well pleased” (on Whom My favor rests); the Son of God accepted baptism from John (moreover, we know from the Gospel that John the Baptist was, as it were, at a loss when the Savior of the world came to him, and he attempted to restrain Him); and the Holy Spirit in the form of a dove descended from the Father on the Son. In this way, “the worship of the Trinity was made manifest” for the first time, which is why the Church sings thus in the troparion, and why she also calls this feast “the feast of the holy Theophanies.”

Christ the Savior appeared in order to begin His saving ministry.

Here, not so long ago, when there was another great feast — the Nativity of Christ — we said that the Lord, by his nativity in a poor cave, when He deigned to be laid in a cattle manger, thereby emphatically rejected, as it were, all earthly glory, all earthly splendor and magnificence, for He did not deign to appear in royal chambers or rich palaces, but precisely in those poor and modest conditions. And thereby He immediately showed that He had brought to the earth a new principle, the principle of humility.

Look, then, how He Himself, so to say, is true to Himself, how even now on today’s great feast He institutes the very same principle of humility manifestly and undoubtedly for us. For whither did He come? To the Jordan. Why? To be baptized by John. But sinners came to John; they confessed their sins to him and were baptized. But He was without sin, “could not be touched by sin,” was absolutely free of it and pure; yet nonetheless, He humbly stands in line with other sinners, as if He were in need of this cleansing washing with water. But we know that the water did not cleanse Him, the most holy and sinless One; but it was He who sanctified the water by deigning to be washed by it, as was sung today during the sanctification of the water: “Today the nature of the waters is sanctified.” And so, Jesus Christ brought the principle of humility to the earth and was true to it throughout the course of His whole life. But that is not all. He has also left us this testament: Come “and learn of me; for I am meek and lowly of heart: and ye shall find rest unto your souls.”

Remember one more radiant, joyful, spring feast — the feast of the Annunciation.

Here the most blessed Virgin Mary hears the good tidings from the Archangel how the incarnation of God will be accomplished through her. What does her most holy, most pure and blameless soul say when she came to her relative, Elizabeth, in order to share her joy with her? She only says: “My soul doth magnify the Lord, and my spirit hath rejoiced in God my Savior, for He hath regarded the low estate [humility] of his handmaiden.” This humility was also the beauty of her spirit. From the very account of the Annunciation, we know that the Archangel appeared to her at that moment when she, having read the prophecy of Isaiah concerning the incarnation of God from a virgin, was not even thinking to apply this to herself, but only thought in the depth of her humility: “How joyful I would be if I were the least handmaid of that blessed virgin.” ... And here stands the Archangel Gabriel before her with his good tidings. The Lord, meek and humble Himself, regarded her humility.

He also enjoined humility on us, contrary to the principles of pride and self-love by which humanity today breathes.

Look, why are there so many disagreements among us, both within the enclosure of the Church and in parishes? Because everywhere men made red-hot by self-love are clashing; but if that humility to which the Lord calls us would be found in us, none of this would happen.

Let us, then, brethren, learn from our Savior, who as the least sinner came to John in order to be baptized by him; let us learn from Him this God-beloved and fragrant virtue, without which, as the holy fathers have said, no other virtue whatsoever can be perfect.

Amen.

<http://www.synod.com/english/pages/sermons/theopany.html>

On Holy and Great Friday (April 14/27, 1973)

In the name of the Father, and of the Son, and of the Holy Spirit.

Yesterday, in the reading of the Ninth Gospel concerning the suffering of the Savior, and this morning, when the Gospel of Saint John was read during the Ninth Hour, we heard the exclamation made from the Cross, the exclamation of the Conqueror of Hades, death and the devil, “It is finished” (John 19:30).

What is finished? That was finished which was known to the Lord Omnipotent at the time of the creation of the world. Finished was that which the whole world was awaiting; finished was that which was prophesied even in Paradise to the forefathers who had sinned; finished was that which was foretold to the Prophets, that to which the Old Testament prefigurations pointed; finished was the redemption of the human race, its salvation from sin, death and condemnation. Christ the Saviour made this exclamation, I repeat, already a Conqueror who had fulfilled the purpose for which He had been sent.

Before this there was heard from the Cross an exclamation of an entirely different nature: “My God, My God, why hast Thou forsaken Me?” (Matt. 27:46). This exclamation was still that of a sufferer and not a conqueror. This exclamation tells of boundless torment and suffering, and indicates to us with what terrible sufferings the act of our redemption was accomplished. But, as the God-inspired Holy Fathers of the Church tell us, and as our great Father of the Church Abroad and renowned theologian, His Beatitude Metropolitan Antony, express with particular precision, our redemption consisted of two parts, so to speak: first, the Lord Saviour accepted upon Himself all the weight of our sins, then He nailed them to the wood of the Cross on Golgotha.

When He walked with the apostles in the Garden of Gethsemane, they who were accustomed to seeing Him immovably calm, the Master of all creation, the King and Conqueror of the elements and the Master of life and death, heard with horror words unheard from Him before: “My soul is exceeding sorrowful, even unto death.” The Saviour then asks His disciples, His beloved spiritual children, during those unbearably difficult and decisive moments of the Passion, “Tarry ye here, and watch with Me” (Matt. 26:38).

Here the prayer in Gethsemane begins. In this prayer we see that the Lamb, Which was ordained at the time of the creation of the world for the salvation of mankind, steps back as if terrified before what is approaching Him and

what He has to accept and suffer. Is He so much afraid of the physical suffering? Is it that which makes Him step back? No!

From the narration of His suffering we see how calmly, how majestically and with what wonderful, and of a truth Divine, patience He endured the terrible physical, bodily torments. One has to keep in mind that He was pure and sinless. Suffering is characteristic of sinful nature. He did not have to suffer because there was no sin in Him. Therefore, suffering was for Him unnatural, and consequently, incomparably more sharp and difficult than for us. And yet, how did He endure the physical torments?

Let us consider one moment of those torments: He is laid on the Cross, His most pure hands and feet are pierced by terrible nails. What a dread moment! But He does not think of Himself. The Saviour of sinners, Who came into the world to save sinners, thinks of them even here and prays to His Father for His slayers, "Father, forgive them, for they know not what they do" (Luke 23:34). At that moment, He does not think of Himself; He forgets His own suffering; He only prays that the Father would be merciful, would forgive the sin of His own crucifiers. This is the way in which He knew how to fulfill His act of serving and saving sinners. Later on, a few hours will pass and He will lead yet another soul to salvation: the soul of the wise thief.

But here we see that He is so struck with awe at the horror, that He prays to His Father, "Father, if Thou be willing, remove this cup from Me" (Luke 22:42), and even more sharply according to Saint Mark, "Abba, Father, all things are possible unto Thee" (Mark 14:36). All things are possible unto Thee; Thou mightest find yet another way. Let this cup pass from Me. So terrible was it, He prays that it will pass from Him.

The Church tells us that Christ the Saviour is the Lamb of God Who takes upon Himself the sins of the whole world. Yes, He took upon Himself, He accepted as His own, all our sins. And please remember that this is not simply a phrase written on paper, this is not a vibration of the air which we term a sound; this is very truth.

In the Garden of Gethsemane during this terrible struggle, He received into His soul the whole of humanity. As the All-knowing God for Whom there is no future and no past but only one act of the Divine omniscience and understanding, He knew each one of us, He saw each one of us, and every one of us did He receive into His soul, with all our sins, our cold unwillingness to repent, with all our weaknesses and moral defilement. And what does He see? In order to save us, whom He loved so much and whom He received into His soul, He has to take upon Himself all our sins as if He Himself had committed them. And in His holy, sinless and pure soul every sin burned worse than fire. It is we who have become so accustomed to sin that we sin with-

out hesitation. As the prophet said, man drinks unrighteousness as a drink (Job 15:16), and does not count his sins. But in His holy soul every sin burned with the unbearable fire of Hades, and here He takes upon Himself the sins of the entire human race.

What a torment, what a searing torment it was for His all - holy soul! But on the other hand, He sees that if He does not accomplish it, if He will not receive upon Himself this weight of human sins, then humanity will perish for all ages, forever, for endless eternity. Here His human nature, stricken with horror, steps back before this fathomless abyss of suffering, but His endless, His boundless, His inexpressibly compassionate love will not consent that humanity should perish; within Him there occurs a terrible struggle.

Finally, exhausted from this struggle, He goes to those from whom He was seeking compassion and whom He asked to tarry and watch with Him, but instead of commiseration, He finds them sleeping. He addressed them-according to one of the Evangelists, he addressed Simon directly- Thou sleepest, thou who but a short while ago swore that thou wouldst follow Me everywhere, even unto death; thou sleepest, thou couldst not watch with Me even one hour? "Watch and pray," He tells them, for "the spirit truly is willing, but the flesh is weak" (Mark 14:38). He steps away and again begins His lonely prayer. And at the last His boundless love prevails and He takes upon Himself the sins of all humanity.

But we see how much this struggle cost Him. The Heavenly Father sent an angel from Heaven to support Him because His human strength had reached its limit, and we see that He is exhausted and covered with a terrible bloody sweat which, as medicine states, occurs as a result of inner spiritual struggles which shake the whole being of a man.

Saint Demetrius of Rostov, meditating on the sufferings of the Saviour says, "Lord Saviour: why art Thou all in blood? There is yet no terrible Golgotha, no crown of thorns, no scourging, no Cross, nothing like unto this as yet, yet Thou art all stained with blood. Who dared to wound Thee?" And the saintly bishop himself answers his question: "Love has wounded Thee." Love brought Him to torment and suffering; from this struggle He is covered with blood but comes forth as Conqueror. And in His redeeming, heroic deed, He took upon Himself our sins and carried them on the Cross to Golgotha, falling under its weight. And there began that other, central part of our redemption, when He suffered all those sins which He took upon Himself in Gethsemane, in the terrible torments on the Cross.

The Holy Gospel lifts up a little of the veil covering His suffering on the Cross by the exclamation concerning which I spoke before, "My God, My God, why hast Thou forsaken Me?" (Matt. 27:46). For this was the principal terror for Him. probably from this He stepped back terrified

in the Garden of Gethsemane in that He realized what was awaiting Him: He knew that the Father would forsake Him, all covered with the stains of human sins. Through this exclamation uttered from His lips, the abyss of this measureless suffering is partly revealed to us. If we were able to look into this abyss, not one of us would remain alive, because from this measureless suprahuman suffering our soul would melt, perish.

But lo! at last through His suffering He achieved everything for which He came. As the new Adam, He becomes the forefather of the new, renewed, spirit-filled humanity, and then as Conqueror He exclaims, "It is finished." The suffering is ended for Him now and He surrenders His spirit unto His Heavenly Father.

During the suffering on the Cross, He called unto Him as the least of sinners who is immersed in his sins, saying, "My God, My God, why hast Thou forsaken Me?" and now He again calls Him Father: "Father, into Thy hands I commend My spirit" (Luke 23:46).

As one of our great Russian preachers said, "The suffering is finished, let the wounds be healed, let the blood stop flowing; approach now ye Josephs of Arimathea and ye Nicodemuses, and also ye reverent Magdalenes, come to the Deceased in order to show Him the last honours."

Let us remember well, beloved brethren, the subjects I lightly touched upon in my sermon.

Blessed is that man who knows how to read the Holy Gospel, who understands it and meditates upon what it tells us.

And now, while worshipping the Saviour entombed, let us remember that the Lord suffered for our sins, that all these wounds were inflicted by us; and reverently kissing the wounds of the Crucified with repentance and gratefulness, let us pray to Him that by His grace He will teach us to be faithful to Him in all the paths of our lives. Amen.

*Sermon delivered by Metropolitan Philaret
on Great and Holy Friday, April 14/27, 1973;
English translation distributed by the Department of Public and
Foreign Relations of the
Russian Orthodox Church Abroad.*

http://www.trueorthodoxy.info/pat_met_philaret_holy_great_friday.shtml

21-го ноября по окончании
Божественной Литургии
Назначена панихида по
приснопамятному
Митрополиту Филарету
По случаю 25-лѣтія
со дня кончины.

Sunday the 21st of November
after Divine Liturgy
a panykhida is scheduled
for the ever-memorable
Metropolitan Philaret on the
occasion of the 25th
anniversary of his repose.

“Parish Bulletin”

Holy Ascension Russian Orthodox Church,
Diocese of San Francisco and Western America,
Russian Orthodox Church Abroad.

Address: 714 — 13th Street, Sacramento, CA 95814. Telephone: (916) 443-2271. FAX (916) 443-5079
Sisterhood: (916) 446-7473.

Website: <http://www.holyascensionchurch.com>

Rector: Rev. Paul Volmensky, home (916) 443-2271 Choir conductor: Catherine Volmensky (916) 320-1316
mobile (916) 730-2680 Head Sister: Veronica Klimoff (916) 362-8567
Church Warden: Leonty Naumov (916) 308-1918 Cemetery Treasurer:

The Holy Ascension Russian Orthodox Church
714 -- 13th Street
Sacramento, CA 95814